

Костарев Николай Константинович

Мои китайские дневники

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Константинович К.**
Мои китайские дневники / Костарев Николай Константинович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 232 с.

ISBN 978-5-519-90580-0

ISBN 978-5-519-90580-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ШАНХАЙ

ШАНХАЙ—НАВСТРЕЧУ ЮЖАНАМ

Мы шли вдвоем: я и моя спутница. Шли медленно. Надвигалась душная, влажная ночь, какие здесь ранней весной, в марте, бывают редко. Спутница моя рассказывала об этом удивительном городе, о генеральной забастовке, событиях последних дней...

Мы шли по Бродвею.

Вчера генеральная забастовка была прервана, и сегодня снова бурлила шанхайская уличная жизнь: шумливая и красочная.

Но мы уже далеко от центра. По обе стороны тянутся корпуса табачных и прядильных фабрик.

Стало темнее.

И вот, на одном из перекрестков — тишина, пустой квадрат углов: по тротуарам — застывшая толпа, а в середине улицы — двое индусов и двое русских белых констеблей бьют палками человека.

Я обалдел... — рванулся на средину, но цепкие маленькие пальцы моей спутницы врезались мне в руку. А через миг она, на хорошем английском языке, очень независимо, чуть повышенным тоном уже спрашивала у одного из констеблей какую-то улицу.

Все четверо бросили моментально бить человека, и один из них стал изысканно-вежливо объяснять что-то. Избиваемый поднялся, без звука проковылял во тьму переулка, а на асфальте осталась разбитая колясочка: это был рикша, и били его за какую-то незначительную оплошность, сделанную им в порядке движения по улице.

Мы поспешно уходили. Я оглянулся — сзади чернел

остов разрушенной коляски. И снова двигались толпа и трамвай, как ни в чем не бывало...

А в следующие два дня было вот что...

Когда один из генералов, только что присоединившийся к южанам, надвинулся по-партизански на Шанхай, — профсоюзы, недостаточно осведомленные и подготовленные, но бесконечно обрадованные идущим из Кантона гоминдановским корпусам, откликнулись навстречу генеральной забастовкой.

Это произошло вдруг, как шквал, неожиданно и стихийно, остановив всю жизнь рабочего Шанхая. Жизнь, точно сразу, на полном бегу споткнулась, остановилась и замерла. Но и насторожилась. Замолкли фабрики, перестали греметь трамваи и мягко шуметь босы (автобусы), и только частные автомобили одиноко пролетали по опустевшим узким улицам. Но за всем этим, в свете электрических матовых фонарей, колыхалась тревога, на перекрестках улиц и в огромных узких коридорах фабрик молча двигались или настороженно затаились многочисленные и озлобленные черно-белые патрули сеттльмента.

А с фронта ползли все более зловещие и радостные вести. Для тех, кто был за проволочными ограждениями концессий, там, в шуме митингов и разрастающейся стачки — то были радостные вести; а для других — здесь, в центре, в роскошных и тяжелых особняках и легких «оффисах»¹ — надвигающийся ужас.

И когда две взбунтовавшиеся китайские канонерки открыли огонь по арсеналу, а снаряды, перелетая, стали падать на французскую концессию — консульский корпус запросил всю силу крейсеров Тихого океана. Когда мы входили в Воанпу, — уже от самых фортов Вузунга эти водяные колоссы стояли в кильватерной колонне, вплоть до самых отдаленных пристаней за городом: все они дымились грозно и предупреждающе.

Передовые колонны армии южан все приближались и приближались, и узенькая полоска, в каких-нибудь тридцать километров, отделяла рабочих Шанхая от их друзей.

¹ Контторах.

Тогда там, на окраинах, в гуще митингов, в гудении и перекличке толп родилось желание: объявить Советы в Шанхае... Это все навстречу гоминдановской армии: Советы в Шанхае!..

И вдруг генеральная забастовка была прервана так же внезапно, как началась...

Последними с боевого поста уходили почтовики: две тысячи ребят, вооруженных палками и расцвеченных красными розетками в петлицах, дружным полукругом встали у моста к главному зданию почтамта, такого серого и тяжелого, и ни одного полисмена и патруля, и ни одного штрейкбрехера не допустили к зданию.

И так как это территория международного сэттльмента, и китайская полиция боялась скандала, — к почтовикам даже не подошли.

Да, забастовка сорвалась...

Потому, что...

Пришли и угрюмо задымили легкие и серые крейсера...

Потому, что крейсера эти на Банд выбросили батальоны морской пехоты... А за ними потянулись транспорты с регулярной армией всех наций и цветов.

Потому, что разгромленного Сун Чуан-фана сменил Чжан Цзю-чан и начал переброску своих свежих войск.

И морем крови залили рабочий Шанхай.

Мне сказали сегодня мои здешние друзья:

— Лучше не ходить туда, пока...

Да, лучше не ходить туда: за проволочные ограждения сэттльмента. Там на улицах валяются трупы, брошенные после казни. И головы этих трупов подвешены в корзинах или прибиты к доскам тут же, на улице, у домов...

Это начальник обороны Шанхая, генерал Пи Шоу-чен, расправляется с забастовщиками и агитаторами: созданы особые карательные полицейские взводы, вооруженные длинными, тяжелыми, широкими палашами¹ и предшествуемые «эмблемой власти и закона» — огромным жезлом

¹ Палаш — меч.

с написанными на нем иероглифами. Они, как декоративное украшение улиц, смешные и страшные, разгуливают по китайским кварталам: ловят, останавливают, обыскивают и тут же подозрительных казнят.

Я ходил по этим улицам и не мог поднять глаз, — я только слышал, как совсем недалеко, где-то сзади меня, хрустнул позвонок, а потом что-то захлюпало. Молчаливая толпа расступилась, и меня перегнал патруль: в середине его шагал — один, с палахом, остальные были с винтовками, — это был самый обыкновенный, смешной и неуклюжий китайский солдат. Он весело помахивал этим палахом, грязным и окровавленным.

А кругом — на улице я слышал разговоры и даже смех... Через минуту голова казненного была поднята на шесте и прибита над дверями харчевни. И народ, охваченный любопытством и ужасом, останавливался и, как зачарованный, долго разглядывал эту голову, еще теплую, с выпученными глазами, с открытым в кровавой пене ротом. А по доске и шесту стекала и капала кровь, и за толпой, в задних рядах, было ясно слышно, как ее густые капли падали на землю.

Некоторые, просто не глядя, проходили в харчевню.

В этот первый день грозного приказа озверевшего неудачника — Сун Чуан-фана — было казнено пятьдесят. И пятьдесят голов было развешено по городу.

Первыми жертвами генеральского террора были два рабочих с франко-китайского завода: у одного из них оказалось несколько прокламаций забастовочного комитета, у другого — только гоминдановский значок, вшитый в подкладку.

Так началась расправа с рабочими Шанхая.

Но теперь уже редко казнят на улицах города. Зато каждое утро всех выловленных за сутки увозят в Вузунг и там на фортах — расстреливают.

Но пролетариат Шанхая не смят.

Он только насторожился и ждет.

Ждет вступления южан.

...Каждый день прибывают новые иностранные войска. И каждый день по Бродвею тянутся то военные гру-

завики, то броневые автомобили, то, наконец, маршируют солдаты какой-нибудь нации, — и это все с военного мола, куда они прибывают и где разгружаются.

Южане подходят все ближе и ближе к Шанхаю. Теперь они одновременно развертывают фронт и на Сучоу и на Нанкин, куда Чжан Цзю-чан стягивает все свои силы и где, очевидно, предполагается развернуть решительные бои. И здесь, в тылу, снова началось оживление: смятое казнями, оно вновь проявляется в различных и разнообразных формах революционной борьбы. Кое-где на фабриках практикуется индивидуальный террор: режут, стреляют и душат шпионов и провокаторов. В направлении Нанкина, в фронтовой полосе неприятеля организовалось несколько партизанских групп, которые то и дело спускают под откос военные поезда, взрывают склады, рвут железнодорожные мосты, обстреливают эшелоны.

И чувствуется во всем, что снова ожил рабочий Шанхай, что он опять усиленно готовится к встрече южан, — только теперь более организованно, более сплоченно.

И противная сторона это чувствует, она также усиленно готовится к встрече: Чжан Цзо-мин перебросил сюда часть своей нечаевской бригады, а Чжан Цзю-чан передал ей броневые поезда, на днях уходящие на фронт в Сучоу. Местные белогвардейцы организовали волонтерский отряд и влились в шанхайский волонтерский корпус, — они усиленно тренируются и обучаются сейчас.

Их до смешного мало — всего двести человек — и они производят жалкое и грустное впечатление.

Я сказал: грустное, и не зря. — Колония белых в Шанхае насчитывает до десяти тысяч человек, и выставить на свою защиту до двухсот бойцов — это действительно грустная картина белой эмиграции. . .

Мне вспомнился один недавний разговор.

Я бреюсь здесь в русской парикмахерской. И вот, на днях, намыливая мне щеку, парикмахер, такой обшарпанный и драный украинец, стал меланхолически сетовать: —

... Видите ли, он, оказывается, пробежал от большевиков всю матушку-Россию, потом — Сибирь, затем — Дальний Восток, и, вот, оказался, наконец-то, у тихой пристани — в этом международном капиталистическом укреплении.

И что же? — Укрепление шатается. Теперь и Шанхай ненадежен... Дальше он буквально говорит так:

— Китайские пампушки¹ (это он называл так китайских генералов) только знают меж собой спорить и ссориться, кроме того они все взяточники — в один прекрасный день их большевики купят, и мы пропали...

Он намылил другую щеку. Подумал.

— Англичане на нас серчают... — снова заговорил он.

Я сквозь смех спросил:

— Что так?

— Не знаю... — последовал грустный вздох.

И, когда заканчивал брить, еще грустнее спросил:

— И куда же нам теперь тикать?..

Он, пожалуй, даже не спрашивал меня, — а просто так, сам себе задавал в тысячу первый раз этот вопрос. Я посмотрел на него: он стоял с бритвой в руках — растерянный и смешной, быть может даже трагичный...

Да, на рейде стоят корабли, а у причалов — транспортные порты. И кое-кто в эти транспорты в нужный момент погрузится, но этому парикмахеру места там наверняка не окажется...

И вот — ему некуда бежать...

Сегодня утром я любовался... «четырнадцатью нациями», демонстрировавшими на Банде свою мощь и наглость завоевателей: и я вспомнил Владивосток и девятнадцатый год. Была только «одна маленькая разница» — этот парад принимал не японский генерал О-ой,² а английский генерал Дункан.³ В остальном — все было то же самое. Даже порядок движения наций на церемониальном прохождении был тот же: англичане, американцы, французы и т. д., а замыкал шествие — несчастный маленький волонтерский отряд русских-белогвардейцев.

¹ Сырое тесто, которое китайцы употребляют обычно вместо хлеба.

² Командующий японским экспедиционным корпусом на русском Дальнем Востоке во время интервенции 1918—1921 гг.

³ Командующий английскими войсками в Китае.